

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

В.И. Ильин

ЖИЗНЬ КАК УЧАСТВУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ: ИСПОВЕДЬ СОЦИОЛОГА

Данное эссе — это попытка взглянуть на бытие социолога как исследовательскую лабораторию. Я опираюсь на материал собственной жизни, но предметом данной работы является не она, а методология и методика работы в такой «лаборатории». Просто материал я взял тот, что мне ближе и понятнее.

Смысл такого жанра в том, что социолог становится как бы лабораторной мыслящей мышью, помещаемой в меняющиеся условия. При этом он выступает в двух противоречивых ролях сразу: и как подопытная мышь, и как циничный исследователь, загоняющий ее в не самые удобные для жизни обстоятельства. Этот подход вписывается в логику многочисленных попыток преодолеть антагонизм объекта и субъекта путем их диалектической интеграции.

Частью этого процесса является превращение социологом себя и своей жизни в объект познания. В призыве Сократа «познай самого себя», как мне кажется, закодирован смысл гуманистической социологии. Предпосылкой понимания других является понимание себя и социальных условий собственного существования.

Со студенческих лет меня интересовали глобальные вопросы, но ответы я всегда пытался искать на путях понимания пути индивидов, выступавших в качестве материала для исторического процесса. В этом жанре, предполагающем соединение больших тем с пристальным разглядыванием не типичных личностей, а конкретных индивидов, выполнено большинство моих исследований. И только совсем недавно я узнал

от П. Штомпки, что это называется «поворотом к повседневности». Иначе говоря, я случайно, практически стихийно вписался в методологическую тенденцию.

Социолог как объект исследования

Биографический метод давно вошел в арсенал социальных наук. Классический пример попытки понять общество через призму анализа личности — книга Петера и Бриджит Бергер «Социология: Биографический подход». Здесь объектом выступает индивид, а исследование его биографии принимает форму биографического case study.

В таких исследованиях объект расслаивается на два уровня.

Во-первых, это информант как агент социальных отношений. В одних случаях это «большой человек», т. е. один из тех, кто если и не творит историю, то метит ее своим именем (заслуженно или по должности — это другой вопрос). В других случаях это «простой человек», чья жизнь вплетается в поток истории в качестве ее анонимного атома. В обоих случаях написание социологической биографии позволяет рассмотреть ту часть социальных отношений, носителем которых выступает информант, в разрезе социального времени. Такой подход — шаг в сторону индивидуализации этих отношений.

Во-вторых, это информант как эксперт по более или менее широкому участку социального пространства и отрезку социального времени, куда он был погружен. Чтобы быть экспертом, мало участвовать в изучаемом процессе, надо быть в состоянии его увидеть, понять и перевести на язык слов.

И здесь возникает серьезная проблема. Разглядывают многие, а видят лишь некоторые. И биографическое исследование дает эффект, если в качестве информанта выступает индивид, способный быть экспертом. Эта роль слабо связана с уровнем образования. Гораздо важнее личностные характеристики: общительность, готовность сделать свою жизнь предметом исследования, способность к описательному анализу. Это дано не всем. Если информант обладает качествами повседневного или профессионального эксперта, то его биография освещает весьма широкий участок социального пространства в его исторической динамике, поскольку такой человек может рассказать не только о себе, но и о множестве людей, с которыми он встречался, общался, работал. В этом случае один информант-эксперт по объему информации может быть эквивалентен сотне обычных информантов, которым окружавшие их люди и события были не интересны.

В биографическом методе есть еще одно ограничение: социолог стремится описать мир в терминах своей науки, а информанты видят

и описывают его в своих терминах. Речь идет не только о форме рассказа, но и содержании опыта: человек видит мир, классифицируя его в терминах доступной ему сетки категорий. Многие явления и особенно детали ускользают из поля зрения, не говоря уже о памяти, только потому, что в момент созерцания не было подходящих слов и адекватной системы классификации. В результате домохозяйка, физик, экономист или разнорабочий одно и то же явление увидят по-разному, сфокусировав внимание на различных его аспектах, их рассказы будут существенно различаться. И в этом нет ничего удивительного: усвоенная сетка категорий играет роль оптического прибора, через который люди видят мир. Разные приборы — разные миры, хотя объект наблюдения и описания один и тот же. И мне в ходе полевых исследований регулярно приходится сталкиваться с людьми, которые участвовали в изучаемом процессе, но ничего не интересующего меня не заметили или переводили реальность на язык слов, искажающих ее до неузнаваемости.

В силу этого социолог — объект биографического исследования, обладающего специфической ценностью. Его рассказ о своем жизненном опыте может быть выполнен в тех же терминах, в которых будут формулироваться итоги исследования. Отсутствие «перевода» позволяет избежать смысловых потерь.

Кроме того, социолог (не путать с преподавателем социологии!) в силу своей профессии знаком с гораздо более обширными участками социального пространства, чем представители иных профессий, мир которых часто ограничен кругом их семьи и коллег, из которых формируется и круг друзей. Обычно социолог-исследователь участвует в проектах по разной тематике и в разных местах.

Моя социологическая биография не очень богата, поскольку этой наукой вплотную я серьезно занялся в 37 лет. Но и в ней есть очень разные проекты: трудовые отношения, рынок труда, инновации в промышленности, корпоративное управление, классовая структура и стратификация, бедность, электоральное поведение, деятельность региональных органов власти, биографическое исследование элит, миграции, повседневная жизнь, потребительское поведение, социальная организация городских рынков России, глокализация повседневной жизни под влиянием туризма, организация повседневной жизни молодежи. Эти исследования проводились в Санкт-Петербурге, Москве, Воркуте, Сыктывкаре, в большом количестве малых городов и сел России на территории от западной границы до Сахалина, в нескольких городах Германии, в нескольких штатах Юга США, в Индии, Непале, Египте, Вьетнаме и других странах.

Естественно, что в силу своей профессии я не только видел разные точки в географическом и социальном пространствах, но и вникал в де-

тали разворачивающейся там жизни, не просто обменивался с людьми приветствиями, но выводил их на длительные, порою многочасовые разговоры. Среди людей, с которыми я общался в силу своей профессии, есть профсоюзные активисты, рабочие разных категорий и профессий, менеджеры, чиновники и политики разных рангов, бандиты, проститутки, бомжи, работники спецслужб, заключенные, поэты, военнослужащие разного ранга, сотрудники тюрем и лагерей, крестьяне и фермеры, крупные бизнесмены, рыночные торговцы...

В моем архиве сохранилось далеко не все (следствие несоблюдения техники компьютерной безопасности), но и то, что осталось, немало: несколько сот глубинных интервью. Думаю, что большинство моих коллег имеют не менее широкий жизненный опыт (не путать с биографией!). Естественно, что «нормальный» человек, занимающийся иным делом, не имеет ни необходимости, ни возможности погружаться в жизнь столь пестрого контингента. В силу этого исследование жизненного опыта социологов представляет особый интерес.

Социолог не только проводит исследования, но и живет обычной жизнью, как и все прочие люди. Однако профессиональный габитус делает его иным. Выскочить из логики профессионального мышления сложно, поэтому повседневная жизнь, которая для других людей является сферой отдыха от работы, для социолога невольно превращается в объект социологического наблюдения и анализа. Это можно назвать и проявлением профессионального кретинизма, суть которого в неспособности за пределами служебных обязанностей выскочить за рамки профессии. Социолог смотрит на жизнь семей (своей и чужой), потоки людей и машин на улицах, отношения между коллегами, события, предлагаемые телевидением и прочими СМИ, слышит слова, произносимые окружающими людьми, — через призму своего габитуса как схемы классификации и оценивания, воспринимая повседневный мир в качестве объекта исследования. В результате вся жизнь (и не только профессиональная) может превращаться в процесс исследования. В силу этого и повседневный опыт может быть ценным источником при проведении самых разных исследований. Так, регулярные поездки к месту работы легли в основу статьи о социальной структуризации транзитивного пространства города (Ильин 2010).

Использование социологов как объектов биографического исследования может осуществляться в разных формах.

— Интервью с социологами с целью реконструкции процесса формирования и развития социологии. Осмысление накопленного профессионального опыта сообщества — это необходимая предпосылка прогрессивного развития любой науки. Именно такая работа ведется

уже многие годы Борисом Докторовым, а также редакцией «Журнала социологии и социальной антропологии». Я занимался тем же в 1990-е гг., будучи в течение десяти лет главным редактором альманаха социальных исследований «Рубеж».

- Интервью с социологами как экспертами в тех областях, которыми они занимаются профессионально. Этот метод широко используется многими на стадии подготовки проекта и разработки его программы.
- Интервью с социологами как экспертами по повседневной жизни. Проводимые в последние годы интервью выходят на эту сферу, но, как мне кажется, совершенно стихийно, непреднамеренно, хотя это может стать очень перспективным методом сбора данных.
- Автобиографическое case study. Это, по сути дела, интервью социолога с самим собой, осмысление опыта в рамках собственной логики, не нарушаемой вопросами интервьюера. В этом жанре социолог исследует себя как носителя тех или иных социальных отношений и социального опыта. Именно как носителя, а не как значимую фигуру, выцарапывающую свое имя на полях исторических летописей. Классическим примером такой работы стала книга П. Сорокина «Долгий путь» (Сорокин 1991). Я пробовал в этом же жанре анализировать судьбу провинциальной социологии в России (Ильин 2005), проведя автобиографическое case study своего опыта работы в Сыктывкаре.

Индивид как объект исследования противоречит логике классической методологии, т. к. сразу вызывает критические вопросы о репрезентативности, типичности и т. д. Однако, как мне представляется, надо разводить темы, предполагающие социально-статистический поход (например, как много людей относится к тем или иным типам), и темы, предполагающие анализ механизмов, заложенных в них причинно-следственных связей и т. п. В последнем случае часто, хотя и не всегда, статистические методы бесполезны. Здесь можно привести аналогию с анатомией человека: чтобы понять, как работает организм, отнюдь не обязательно вскрывать тела, следуя принципам общенациональной выборки. Во многих случаях и одного случая достаточно для решения исследовательских задач, по крайней мере на уровне формулировки обоснованных гипотез.

В поисках жанра: хождение в поле политики

Социология бывает разной, как и делающие ее социологи. Она, как и любая иная деятельность, может ориентироваться на разные целевые группы потребителей своей продукции: бюрократию, бизнес, самих со-

циологов или просто относительно образованную публику, способную читать не только художественную литературу или советы по домоводству. И все эти стили социологического познания имеют равное право на существование, а каждый социолог выбирает то, что адекватно его личности, способностям, специфике его ценностных ориентаций.

Я попробовал разные варианты. В начале моей социологической биографии (конец 1980-х гг.) наша лаборатория проводила исследования по заказу городской администрации, предприятий и газет, кандидатов в народные депутаты. Использовали и количественные, и качественные методы. Потом было много (чисто научных, международных) исследований социально-экономических процессов: трудовых отношений, конфликтов, рынка труда и т. д.

В былые годы я верил в возможность не только управления обществом, но даже научного управления им (тема, популярная в советское время и уходящая корнями и к О. Конту, и к К. Марксу). Мне казалось, что государство управляет страной, регионом, городом, а наука может сделать этот процесс более рациональным. В дальнейшем неспешно произошел перевод этого убеждения в категорию иллюзий.

В 1989–1990 гг. социологическая лаборатория Сыктывкарского государственного университета проводила активные исследования электорального поведения избирателей, их мировоззрения и практических запросов. Параллельно мы писали программы для нескольких кандидатов в народные депутаты СССР, вели мониторинг их кампаний, активно осуществляли консультирование. Но если смотреть назад (из XXI в.), то наиболее важной для меня оказалась возможность участвующего наблюдения политического процесса в момент зарождения российской демократии.

Это было наблюдение не по газетам и телепередачам, а из глубины провинциального политического процесса. Эксперимент стал составной частью этого исследования. Я был одним из участников небольшой группы активистов, которые организовали в разгар перестройки городской дискуссионный клуб. На его заседания собиралось невиданное по нынешним меркам число людей из самых разных слоев общества. Вначале мы просто обсуждали горячие темы, потом решили идти дальше. Несколько активистов клуба собрались на кафедре философии и социологии. И кто-то предложил: «А почему бы нам не попробовать выдвинуть своего кандидата в народные депутаты СССР, кандидата, альтернативного тому, которого выдвинут с подачи обкома КПСС?».

Но кого? Нас было человек пять-шесть. Мы переглянулись. И все сказали: «Нет, это не для меня». И тут кто-то вспомнил о С. Лушикове, на тот момент заместителе республиканского министра юстиции: с од-

ной стороны, почти наш, а с другой, в отличие от нас, — с карьерными амбициями. Предложили ему, он согласился, хотя тогда это был рискованный для его карьеры шаг: в случае поражения можно было лишиться своего поста.

Помню, как у нас на кухне мы с друзьями под сваренные моей женой вареники составляли его программу и разрабатывали стратегию кампании. Так из чьей-то случайной мысли возник зародыш реального политического процесса: сформировалась группа поддержки из среды работников университета и академии наук, развернулась активная агитационная работа. Наш кандидат в итоге был избран народным депутатом СССР, стал членом Верховного Совета СССР. Затем он стал министром юстиции последнего советского правительства. Для меня это был интересный социологический эксперимент.

Параллельно по другому округу мы обеспечивали кампанию летчику, выдвинутому авиапредприятием. И он тоже оказался победителем! Для третьего кандидата мы просто проводили исследование настроений и запросов его избирателей в далеком таежном районе и на этой основе разрабатывали рекомендации по составлению программы. Он тоже прошел в народные депутаты СССР. Успех был стопроцентным: три из трех!

Материалы участвующего наблюдения подкреплялись данными нескольких анкетных опросов, а субъективные впечатления переплетались со статистическими таблицами. Назвать это профессиональным исследованием можно лишь с оговорками: профессионал получает за свою работу деньги, а мы имели лишь очень скромные средства на анкетные опросы. Все остальное подпитывалось гражданским энтузиазмом и социологическим интересом. И сейчас трудно ответить, что это было — работа или хобби?

В 1990 г. в Сыктывкаре была создана общественная организация «Инициатива», ядро которой составляли работники Академии наук и вузов. Я и Р. Пименов (известный ссыльный диссидент из Ленинграда, доктор физико-математических наук и близкий соратник А. Сахарова) были избраны заместителями председателя. Мы приглашали потенциальных депутатов в советы разных уровней, заслушивали их предложения, отбирали наиболее перспективных и идейно близких и обеспечивали их своей моральной поддержкой и консультациями. Меня политика интересовала в первую очередь как предмет изучения, хотя мысль улучшения общества была мне не чужда. Р. Пименов в отличие от меня был политиком с большим стажем. В 1990 г. он был избран депутатом российского парламента.

Это была эпоха, когда надежды на формирование новой разумной политики достигли апогея не только у меня. Тогда немало работников

науки устремилось в политику. Однако когда самый близкий нам депутат, которого мы лепили как политическую фигуру с самого начала, вернулся со съезда домой, мы почувствовали существенные метаморфозы. Для меня это был интересный исследовательский кейс, в котором с очень близкого расстояния можно было проследить, как в условиях даже невиданного в нашей стране демократизма власть, исходящая от народа, уходит куда-то в сторону, превращаясь в самодостаточную силу, уже не нуждающуюся в народе, породившем эту власть.

Во-первых, наш депутат (который раньше был «свой среди своих», выбран из нашей среды, все остальные вложили в его восхождение во власть не один месяц своей жизни) вдруг стал очень важным и занятым человеком. После съезда у него уже не было времени встречаться, как прежде, с нами и обсуждать политику, а его собеседниками стали руководители региональной бюрократии, которые до этого нами рассматривались как противники. Таким образом, он вдруг стал с «ними», а не с «нами».

Во-вторых, он вдруг стал носителем знания, не доступного нам, перешедшим из категории организаторов его кампании в людей из народа. Во время очень короткой встречи с ним (его ждал первый секретарь обкома партии) мы спросили его о странном, с нашей точки зрения, отношении депутатов к бойне в Тбилиси, где десантники проявили доблесть, разгоняя безоружную демонстрацию саперными лопатками. И он произнес фразу, в которой, с моей точки зрения, закодирована логика бюрократического знания: «Мужики, вы же не знаете всех обстоятельств дела, поэтому так рассуждаете». Мы были очень удивлены, т. к. в то время шли полные трансляции заседаний съездов, и трудно было представить, когда он успел получить знание, которого нет у нас. Мы попросили поделиться этим знанием, но это была уже достаточно «конфиденциальная информация». Кроме того, у него уже не было времени переубеждать нас: государственные дела не ждут, а с ними он уже разберется и без нас. Потом он стал министром. Говорить нам с ним, а ему с нами было уже не о чем, хотя изредка мы пересекались в пустых светских встречах.

Схожие трансформации происходили и с другими нашими подопечными, которые, добившись победы с нашей немалой помощью, превращались в политиков, знающих и понимающих все несравненно лучше своих вчерашних консультантов, а в ряде случаев и наставников. Но поскольку я был с ними в момент вхождения во власть, то оснований для иллюзий не было никаких: существенная часть решений принимается на основе логики обыденного сознания самых простых людей, оказавшихся в «непростых» креслах.

Несколько лет я делал мониторинг политических процессов на региональном уровне и регулярно присутствовал на заседаниях парламента, пресс-конференциях, делал интервью с чиновниками и депутатами. Периодически бывал в Государственной Думе. И мысль Ленина о том, что любая кухарка может управлять государством, мне перестала казаться утопической и смешной.

Как-то один из моих бывших клиентов сказал очень важную для понимания власти фразу: «Я бы, конечно, мог тебе заказать исследование, но ты же попросишь год на его проведение, а мне данные нужны завтра. Что нужно будет через год, я еще не знаю, поэтому придется обойтись без исследований».

Между тем власть нуждается в научной легитимации своих решений. И мне приходилось видеть с близкого расстояния используемые технологии. Одна из них — получение чиновниками и политиками ученых степеней. В нашей республике Глава вдруг стал доктором социологических наук (его предшественник получил степень по экономике). Это было неожиданно, поскольку социологов республики можно было сосчитать на пальцах одной руки, все мы знали работы друг друга, а признаков его интереса к социологии никто не заметил, как никто не видел ни одной его публикации. И вдруг доктор! Мы гадали: кто написал? Этот процесс приобретения научных регалий прошелся по всем этажам власти и частично захватил бизнес. После этого можно было в тех или иных вариантах отсюда слышать мысль: «Я сам ученый». Научное звание стало символической защитой от науки.

Другой вариант — консультации с деятелями науки. Я сам иногда участвовал в них и на региональном, и на центральном уровне из исследовательского любопытства. Тебе в лоб задают вопрос в области твоей дисциплины, но ты такого исследования не проводил, поэтому можешь рассуждать только в рамках структур обыденного сознания. «Хороший» эксперт бойко дает ответы на любые вопросы, создавая «научную» основу для выработки политических решений, «плохой» эксперт говорит глупости типа: «Я этого не изучал». В результате он отсеивается. Так формируется находящаяся при власти обойма экспертов с научными степенями, которые без всяких исследований дают «научные» консультации. Управление получается и научным, и не слишком затратным.

Люди, которых мы так усердно делали политиками, набирали новых советников, рядом с которыми новые политики уже смотрелись как удивительно светлые умы. Это феномен рождения постдемократии в стране, еще не знавшей демократии. Суть ее состоит в том, что избиратели, исследователи и консультанты, сделав свое дело, т. е. обеспечив победу своим кандидатам, передают им все свои властные полномочия

и смиренно уходят в тень. Оттуда они почтительно взирают на своих правителей, которые все знают и понимают лучше, чем кто бы то ни было, т. к. они носители сакрального бюрократического знания. Грифы «секретно» или «для служебного пользования» превращают даже самую банальную информацию в исключительное достояние не для всех. И это один из процессов кристаллизации властной иерархии: они знают то, что не знаем мы. И даже если это совершенно бессмысленное знание, имеющие власть наделяют его особой значимостью, позволяющей им быть на вершине властной пирамиды.

После этого я решил держаться подальше от власти: изменить ничего в ней не сможешь, но испачкаться, легитимируя чужие, часто не очень морально чистые решения, — вполне реальная перспектива. Приближение к власти допустимо только с целью ее разглядывания с близкого расстояния. Политик или чиновник принимают решения, исходя из своих представлений, читать твой отчет у него не будет времени и желания, т. к. он и без исследования все понимает, ибо обладает априорным знанием (это я проверял неоднократно). Однако при презентации своего решения он сошлется на его научное обоснование.

Мой приятель, который в те годы вырос в успешного политтехнолога, после осмысления этого же опыта пришел к другому выводу: ничего не делать бесплатно. После этого он участвовал в организации избирательных компаний тех политических сил, которые не могли вызывать никаких моральных иллюзий, но платили хорошие деньги.

В конечном счете, методом исключения я пришел к тому варианту, который можно назвать гуманистической социологией. Ее адресатом является обычный человек, а ее предметом — логика и технологии жизни индивида в тех или иных жизненных ситуациях. Иначе говоря, это социология повседневности, но не как отраслевая социология, а как методология социального познания любых сфер общественной жизни.

Жизнь социолога как контекст исследования

Объект исследования имеет условные границы. Где их ни проведешь, они будут сомнительными и относительными. Логика причинно-следственных связей неизбежно игнорирует очерченные программой пределы. В силу этого можно говорить о том, что вся жизнь социолога превращается в контекст исследования совершенно конкретных тем.

Когда работаешь в родной стране, этот тезис не кажется очевидным, поскольку контекстное знание, с неявной помощью которого мы объясняем изучаемые явления, впитывается в нас на психическом и телесном уровне. В подсознании сидит не только знание, но даже ощущение отечественной истории, фоновая информация, почерпнутая из личного

опыта и СМИ, косвенным образом участвует в восприятии и интерпретации совершенно конкретных тем, явно не связанных с этим знанием. В силу этого возникает иллюзия возможности исследовательского объекта с четко очерченными границами, что позволяет отсекаать «все лишнее, не относящееся к делу». Мы его отсекаем формально, а в реальности оно остается на уровне фонового знания, в которое уходят причинно-следственные связи нашего совершенно конкретного исследования.

Когда проводишь исследование за границей, недостаток фонового знания становится очевидным. Мне пришлось изучать повседневную жизнь немецких переселенцев из бывшего СССР в Германию (1999–2001 гг.) и повседневную жизнь американского общества потребления в глубинке южных штатов (1996–1997 и 2008 гг.). В ходе наблюдений и интервью, где можно было той или иной мере проследить связи следствий с причинами, у меня регулярно возникало ощущение, что причины уходят в туман невысказанного, само собой разумеющегося, очевидного, «известного каждому». Я чувствовал, что те же слова я и мои информанты используют совсем не тождественным образом. На поверхности есть иллюзия понимания, но за каждым словом у меня и у них стоит разный жизненный опыт, разная история, разные контексты. Явление цепляется за явление, уходя далеко за пределы предмета твоего исследования.

Как-то моя знакомая, многие годы живущая в США и не испытывающая трудностей с английским языком, сказала: *«Мне американцев все равно никогда до конца не понять. Почему? Мы в детстве читали разные книги»*.

Начав исследование в США и Германии с элементарных потребительских практик, я быстро понял, что многие из них уходят корнями в религиозное мировоззрение части моих информантов, что заставило регулярно ходить в различные церкви, проводить интервью с проповедниками и церковными активистами, наблюдать их жизнь и в церкви, и далеко за ее пределами. Бог как социальный контролер незримо присутствует в повседневной жизни глубоко верующих людей, поэтому их потребительские практики не поддаются глубокой интерпретации без понимания принимаемой ими интерпретации Библии. И мне пришлось погрузиться в поле социологии религии и теологии.

Социокультурный и исторический контекст как предпосылка понимания самых элементарных вещей — это проблема исследований не только в дальних странах. Люди, принадлежащие к другому классу или этнической группе и часто живущие в нашем же доме, не менее далеки от нас, чем чужестранцы. В соответствии с логикой Р. Парк, большой

город — это ансамбль социальных миров. И эти миры часто сильно изолированы друг от друга. Их связывают только линии метро, дороги, территория дворов. В силу этого и при исследовании в родной стране и своем городе легко впасть в иллюзию понимания.

Из всего выше сказанного следует простой вывод: социологу необходимо вникать в широкий контекст, в который погружены объекты его исследования. Жить в обществе совершенно не означает знать его контекст. Чтобы его использовать, его надо переварить. Опыт — это не вехи биографии, а осмысленный материал пройденного пути. Далеко не все, кто долго жили и много видели, имеют большой опыт. Он представляет собой интеллектуальный продукт и сам по себе не приходит.

Отсюда я делаю вывод о необходимости исследования социокультурного фона (контекста), в котором разворачивается работа над конкретными темами. Это предполагает превращение жизни в непрерывное исследование, опирающееся на метод участвующего (включенного) наблюдения.

Полевые дневники

Эффективным инструментом превращения мимолетных, быстро исчезающих впечатлений в социологический опыт является их фиксация в полевых заметках. Самые банальные вещи, переведенные на язык слов, проходят процесс типизации, упорядочивания, интерпретации. Если же на них накладывается сетка социологических категорий (атрибут профессионального габитуса исследователя), то скользящие образы превращаются в осмысленный опыт, который может быть использован как контекстное знание при изучении самых разных конкретных тем.

Между тем, как показывает и личный опыт, и опыт коллег, этот тезис легко провозгласить, но сложно реализовать. Для него требуется очень высокий уровень самоорганизации, ведь трудно в плотном графике жизни выделить время и силы на то, чтобы хотя бы частично зафиксировать и осмыслить то, что было увидено в течение дня.

Для меня примером стал британский социолог Питер Фэбразер, с которым я начинал в первой половине 1990-х гг. полевое исследование шахтеров заполярной Воркуты. Ежедневно мы проводили интервью и встречи — с раннего утра до глубокой ночи. Возвращались в гостиницу буквально полуживые, нередко не совсем трезвые (задушевные интервью с русскими шахтерами без ритуальной бутылки водки получались плохо). Но Питер всегда перед сном доставал ноутбук и записывал свои наблюдения и впечатления, касавшиеся самых разных сторон шахтерской жизни в Заполярье. При этом он внушал мне: «Володя, обращай внимание на детали!». Я сначала плохо понимал, зачем такие героиче-

ские усилия на фиксацию материала, который лишь косвенно связан с темой (то, что по теме, записано на диктофон), но в дальнейшем стало приходить осознание дефицита контекстного опыта жизни в этой среде. И этот дефицит часто был обусловлен не тем, что я этого не видел или не слышал, а тем, что вовремя не зафиксировал, на что не обратил внимания, а когда этот опыт потребовался, его пришлось по крупицам «выковыривать» из памяти с большими потерями.

Из классического опыта на память приходят дневники Бронислава Малиновского, ставшие сами по себе резонансным антропологическим трудом. Питирим Сорокин в разгар революции 1917 г., в которой он принимал самое деятельное участие, вел полевой дневник, который потом был опубликован под названием «Страницы из русского дневника (1917–1922)» (я его частично перевел на русский язык для альманаха «Рубеж» и опубликовал в нем). Потом во время своего путешествия по Америке он тоже набросал путевые заметки, опубликованные под названием «Кочующая Америка». Перечень полевых дневников, ставших самостоятельными исследованиями, можно продолжить.

Я считаю, что ведение таких записок для социолога просто обязательно. Разумеется, между моими представлениями о норме и реальными исследовательскими практиками большая дистанция. Но постепенно я выработал привычку не расставаться с блокнотом. Особенно активно веду записи во время поездок, когда новый опыт формируется особенно интенсивно. В моем домашнем архиве хранятся записные книжки с лаконичными названиями «Ладах», «Египет», «Вьетнам», «Сахалин» и т. д. (иногда компьютер не прихватишь). Когда нет сил справиться с ленью, я вспоминаю Питера Фэбразера и, борясь со сном, фиксирую в записных книжках материал, который может пригодиться в будущем. Я их вел не только в уютных мотелях и гостиницах, но и в палатках, и в горных приютах в Гималаях, Западном Тибете, горах Северного Вьетнама, общих вагонах на трассе БАМа. Дальше их надо переводить в электронную форму и подвергать второму уровню анализа, но жизнь течет так быстро, что оставляет мало возможностей на то, чтобы оглядываться назад. Конечно, непростительно позволять материалу оставаться неиспользованным, но такова моя жизнь.

Работая над книгой «Быт и бытие молодежи российского мегаполиса», я по совету своих студентов завел в 2005 г. блог «Странник» (<http://vr05.livejournal.com> и с 2010 г. <http://0-stranger.livejournal.com>). Первоначально я использовал блог почти исключительно как площадку для сбора материала по теме своего исследования, но потом начал там публиковать некоторые заметки из своих полевых блокнотов. Часть этих записей публикую и в тематических сообществах, это позволяет включить свой

частный опыт в более широкий контекст, т. к. интересные для участников сообщества посты сопровождаются комментариями и полезными ссылками. Особенно полезными оказались материалы по истории советской повседневности.

Ведение блога — дополнительный стимул для повседневного осмысления в поверхностном режиме полевого дневника повседневного опыта. Система тэгов позволяет систематизировать разрозненные записи: пара секунд — и все записи разных лет с одним кодом оказываются на экране. Аналогичным образом сохраняются и упорядочиваются материалы чужих журналов, что позволяет свой опыт сразу же включать в контекст чужих наблюдений.

Составной частью моих повседневных наблюдений являются видео- и фотосъемки. Особенно активно я занялся сбором визуального материала с 1996 г., когда на 10 месяцев отправился в США. Сейчас я редко расстаюсь с фотокамерой, поэтому в моем архиве уже тысячи фотографий, в которых отпечаталась повседневная жизнь разных стран и различных социальных групп. Я эти материалы постепенно систематизирую и анализирую, хотя их уже больше, чем сил их обработать. Часть фотографий, конечно, использовалась в публикациях. Очень жалею, что поздно осознал возможности этого метода полевого исследования, поэтому огромная часть виденного мною просто исчезла.

В этой связи у меня уже давно возникла идея создания российского архива современной социальной жизни, куда бы вошли личные фонды исследователей. У каждого в запасниках полно материалов, в т. ч. полевых дневников, которые когда-то были собраны, но в силу разных причин не доведены до публикаций или только частично включены в них. Все это неизбежно пропадает, исчезает. И это происходит на фоне очень сомнительного положения государственных архивов, которые собирают в основном только некоторые (обычно самые неинтересные для истории) документы бюрократического производства. В результате будущие историки нашей эпохи будут вынуждены довольствоваться вторичным анализом современных публикаций, а первичные материалы — традиционные источники исторической науки — отойдут далеко на задний план в силу их отсутствия.

Вещи, в которых закодирована социальная система

Существенная, если не основная часть повседневной жизни, — это оперирование вещами. Мы это делаем круглые сутки, в т. ч. и ночью, используя кровать. И чтобы изучать социологический смысл вещей, не надо добиваться грантов и выискивать ниши в своем расписании. Жизнь — это оперирование вещами. Разные способы этого оперирова-

ния — разные варианты жизни. Мы приписываем вещам смыслы, отвечая на вопросы «Что это? Как это можно использовать? Зачем это стоит использовать?» и т. д. В результате в наших вещах оказывается закодированной наша жизнь. Декодируя чужие вещи, можно декодировать чужой образ и стиль жизни.

Однако вещи находятся не только в личном использовании, они включены в социальные потоки, поэтому в них закодирована социальная система. Археология (а я когда-то мечтал работать в этой отрасли) строится на основе этой логики: она занимается реконструкцией социальных систем по остаткам материальных предметов. В свое время, работая в археологической экспедиции, я услышал от одного археолога поразившую меня мысль: *«Когда-то археологи будущего, найдя на свалке мой полусгнивший башмак, будут пытаться реконструировать по нему нашу жизнь»*. И мне кажется, эта логика применима и для социологии, которая пока в основном игнорирует мир вещей, неоправданно переоценивая значимость слов.

Что значит «социальная система, закодированная в вещи»? Анализируя предмет как узел социальных отношений, мы можем обнаруживать логику социальной системы. Помню, как в период моего детства в г. Ейске Краснодарского края сосед по двору, дядя Петя, насыпал на своем клочке двора целую гору странного металлолома: она состояла из необычного в повседневной жизни дюралюминия (дюрала). Заинтригованный, я начал выяснять смысл этой кучи, задавая вопросы и дяде Пете, и своим родителям. Это было одно из первых спонтанных социологических исследований в моей жизни. Оказалось, что сосед, работавший на станкостроительном заводе, был привлечен по указанию горкома партии для оказания помощи военному аэродрому (штрих, в котором проявляется логика советской системы управления). А на аэродроме в это время шла распилка стратегических бомбардировщиков, т. к. Н.С. Хрущев, очарованный возможностями межконтинентальных ракет, пришел к выводу, что бомбардировщики уже не соответствуют духу времени. Попутно он решил использовать распилку уже не нужных, по его мнению, самолетов для доказательства миролюбивости внешней политики СССР.

Так глобальная политика материализовалась в нашем дворе, расположенном в южной глуши, в виде кучи металлического лома. Разумеется, прямой связи между решением Хрущева и кучей не было. В одну логическую цепочку их соединила культурная программа, которой руководствовались многие советские люди. Они формулировали ее просто: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». Дядя Петя, следуя этой логике, подворовывал все, что возил на своей «полуторке». Ежедневно во

время обеда он привозил с завода «сувениры»: то несколько кирпичей, то доску, то металлическую болвалку. Сначала крал, руководствуясь логикой «Нехай будет!», а потом думал, что с этим делать. В результате во дворе появился сарай, стены которого были сделаны из очень дорогого металла, а в саду был построен душ, где в качестве емкости для воды использовался самолетный бензобак. Из того же дюралюминия были сделаны некоторые заборчики вдоль дорожки в огороде. Я понял, что дядя Петя — совершенно типичный советский человек. Разумеется, крали не все. Но, как объяснил мне отец, всю жизнь делавший станки, «многие люди честны потому, что им, как, например, мне, нечего у государства украсть, даже если захочется».

Стратегия жизни как включенного наблюдения предполагает внимательное отношение к вещам как узлу социальных отношений. На каждом шагу ежедневно мы сталкиваемся с такими «кучами дяди Пети». Их декодирование позволяет уходить от теоретических стереотипов, игнорирующих осязаемые мелочи как «нетипичные», «несущественные» и т. д. На этой логике полетов в небесах теоретических абстракций строилось все советское обществоведение, традиции которого живы и по сей день. Люди старшего университетского поколения могут вспомнить бесчисленные книги, статьи, диссертации, лекции и доклады о «развитом социализме» в контексте примитивной, с точки зрения организации быта, питания, обеспечения одеждой и т. д., повседневности. «Настоящий ученый» шел от абстрактного к конкретному, закрывая глаза на все, что в конкретной социальной жизни не соответствовало теории. И, как тогда говорили, «если факты не соответствуют теории, тем хуже для фактов». Если же идти от «кучи дяди Пети», то подпорки, обеспечивающие воспроизводство теоретической наивности, ломаются, не выдерживая давления «исключений».

Преподавание как исследование

Я развожу социолога и преподавателя социологии как две разные профессии, имеющие точку пересечения в виде общего набора категорий и объяснительных моделей. Аналогично разводятся как две разные профессии философ и преподаватель философии. Социолог — это тот, кто производит социологическое знание. Чтобы преподавать социологию, даже отлично преподавать, совершенно не обязательно быть социологом. И чтобы быть социологом, не обязательно быть преподавателем. Большинство вузовских преподавателей этой дисциплины никогда или почти никогда не делали исследований, а многие исследователи никогда не преподавали. Но это и не обязательно. Впрочем, только исследователь может воспитать исследователей. Однако абсолютное боль-

шинство выпускников соцфаков уходят в сферы, где от них не ожидается умение проводить исследования, поэтому очень ограниченное число преподавателей-социологов — не такая уж и большая беда. Они должны быть исследователями, но далеко не обязательно всем быть ими.

Преподавать, пересказывая чужие, пусть даже и самые умные книги, для меня скука смертная, просто жертвоприношение во имя куска хлеба. Мне же легче уменьшить свой кусок хлеба, чем сжигать свою жизнь, принося ее в жертву желудку (надышался воздухом Тибета и Гималаев). Осознав это в результате довольно длительных исканий своего места в жизни, я начал придумывать, как преподавание превратить в исследование, а студентов — в преподавателей, учащихся меня жизни. Мне удалось уйти от всех курсов, в рамках которых студенты не могут дать мне ничего полезного, и выбрать те, где занятия превращаются во взаимобогащающее общение: я даю студентам стимулы для осмысления их собственного опыта, а они делятся со мной своими знаниями. В качестве адекватных курсов для решения таких задач для меня лично оказались «Поведение потребителей», «Социология потребления», «Социология повседневности», «Качественные методы полевого исследования», «Визуальные методы исследования повседневной культуры», «Социальное неравенство» (с фокусом на микроуровень). Преподавание здесь — лишь часть процесса. Суть же его — инструктаж, как делать исследование. И я рассматриваю своих студентов как соисследователей, от которых я узнаю не меньше, а возможно, и больше, чем они от меня. Не все, но многие студенты для меня — интересные, часто захватывающие книги. В существенной мере благодаря сотрудничеству со своими студентами и слушателями я написал книгу «Быт и бытие молодежи мегаполиса». Периодически появляются статьи, написанные мною вместе со студентами.

Отсюда и определение преподавания. Чаше всего я не считаю это работой. Я прихожу на занятия пообщаться с интересными людьми. Разумеется, не всегда и не со всеми это получается. Тогда возникает риск превращения преподавания в труд в поте лица. За это я виню себя: не смог увлечь, не смог понять. Возникает ощущение, что занимаешься не своим делом. Но, слава Богу, пока, как правило, есть студенческое ядро, которое учит меня. Очень часто в качестве дополнения к обычным занятиям я использую глубинные интервью (обычно с бывшими моими студентами) или в порядке методического инструктажа — с нынешними. Для меня это отличная возможность взглянуть на мир с колокольни иного поколения, иного социального статуса, а не из-за преподавательской кафедры.

Конечно, есть студенты, у которых аллергия от слова «социология». Я их понимаю и не осуждаю: все мы время от времени заходим не в те двери. Им тоже не повезло. Я не пытаюсь их заставлять делать то, что они ненавидят. Мое глубокое убеждение, что принуждение к учебе порождает только отвращение к предмету. И мне кажется абсурдным тратить свою жизнь на то, чтобы кто-то сдал экзамен по моему курсу, возненавидев предмет и зарекшись в будущем брать соответствующие книги в руки. Поэтому у меня очень легко получить тройку, но очень трудно — пятерку.

Я не думаю, что мой опыт достоин подражания. Каждый выбирает жизнь под себя. И то, что отлично для одного, смертельно для другого. Смысл моих рассуждений прост: возможен и такой вариант преподавательской работы — как участвующего наблюдения.

Литература

Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. М., 2004.

Ильин В.И. Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки // Мир России. 2005. Т. XIV. № 4. С. 192–205.

Ильин В.И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: структуризация повседневности. СПб.: Интерсоцис, 2007.

Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008.

Ильин В.И. Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса // Мир России. 2010. № 1. С. 89–125.

Сорокин П. Долгий путь: Автобиограф. роман / Пер. с англ. П.П. Кротов, А.В. Липский. Сыктывкар, 1991.

Сорокин П. Кочующая Америка. http://krotov.info/lib_sec/18_s/or/okin_03.htm

Сорокин П. Страницы из русского дневника, [1917–1922] // Рубеж: Альманах социологических исследований. 1992. Вып. 1. С. 57–73; Вып. 2. С. 3–18.

Malinowski B.K. A Diary in the Strict Sense of the Term. New York: Harcourt, Brace, and World: 1967.

Краткая биография

Владимир Иванович Ильин родился в 1950 г. в г. Ейске Краснодарского края. После окончания средней школы четыре года учился на историко-филологическом факультете Кабардино-Балкарского университета, затем шесть лет — на историческом факультете Ленинградского университета (в качестве студента и аспиранта), более 20 лет работал на разных кафедрах Сыктывкарского государственного университета, почти полтора десятка лет был сотрудником Института сравнительных исследований трудовых отношений, с 2002 г. — профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Кандидат исторических и доктор социологических наук.

Основные исследовательские проекты

Беднейшие слои населения в системе социальной стратификации российского общества.

Динамика классовой структуры в СССР и постсоветском социальном пространстве.

Социальная организация городских провинциальных рынков России.

Социальная структура российского предприятия и трудовые отношения.

Шахтерское движение Воркуты.

Рыночная стратегия предприятий.

Реструктурирование занятости и формирование рынка труда в России.

Управление инновациями и модернизация постсоветской промышленности.

Развитие профсоюзов в России.

Управление корпорациями в России.

Социальное конструирование этнических границ: теория и социальная реальность (на примере российских немцев).

Повседневность социального неравенства в условиях зарождающегося общества потребления: жизненные стратегии и повседневные практики социально уязвимой молодежи.

Повседневная жизнь американского общества потребления.

Основные публикации

Социальная стратификация. Сыктывкар: СыктГУ, 1991. 221 с.

Государство и социальная стратификация советского и постсоветских обществ. 1917–1996. Сыктывкар: СыктГУ, 1996. 349 с.

Поведение потребителей: Краткий курс. СПб: Питер, 2000. 200 с.

Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты. 1989–1998 гг. Сыктывкар: СыктГУ, 1998. 300 с.

Социальное неравенство: Курс лекций и хрестоматия. М.: изд-во Института социологии РАН, 2000. 280 с.

Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар: СыктГУ, 2001. 160 с. (в соавторстве с М. Ильиной).

Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.

Социальная стратификация России и Восточной Европы: Сравнительный анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2006 (в соавторстве с О.И. Шкартаном). 468 с.

Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: структуризация повседневности. Монография. СПб.: Интерсоцис, 2007. 388 с.

Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008.

On the Buses: Management Dynamics in a Passenger Transport Enterprise // S. Clarke (ed). The Russian Enterprise in Transition: Case studies. Cheltenham: Edward Elgar, 1996.

Religiositaet als Faktor fuer die Immigrationspraxis ethnischer Deutscher in die Bundesrepublik Deutschland // S. Ipsen-Peitzmeier, M. Kaiser (Hg.). Zuhause fremd. Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. Bielefeld: Transcript Verlag, 2006.

The Soviet Ruling Stratum as an Agent of Social Transformation // H. Best, R. Gebauer, A. Salheiser (eds.). Elites and Social Change. The Socialist and Post-Socialist Experience. Hamburg: Kraemer, 2009.

The New Middle Strata in Modern Russia // M. Kivinen (ed.). Middle Class in East and West. Darthmouth, UK, 1997.

Russian Trade Unions and the Management Apparatus in the Transition Period // S. Clarke (ed.). Conflict and Change in the Russian Industrial Enterprise. Cheltenham: Edward Elgar, 1996.

Social Contradictions and Conflicts in State Enterprise in the Transitional Period // S. Clarke (ed.). Conflict and Change in the Russian Industrial Enterprise. Cheltenham: Edward Elgar, 1996.